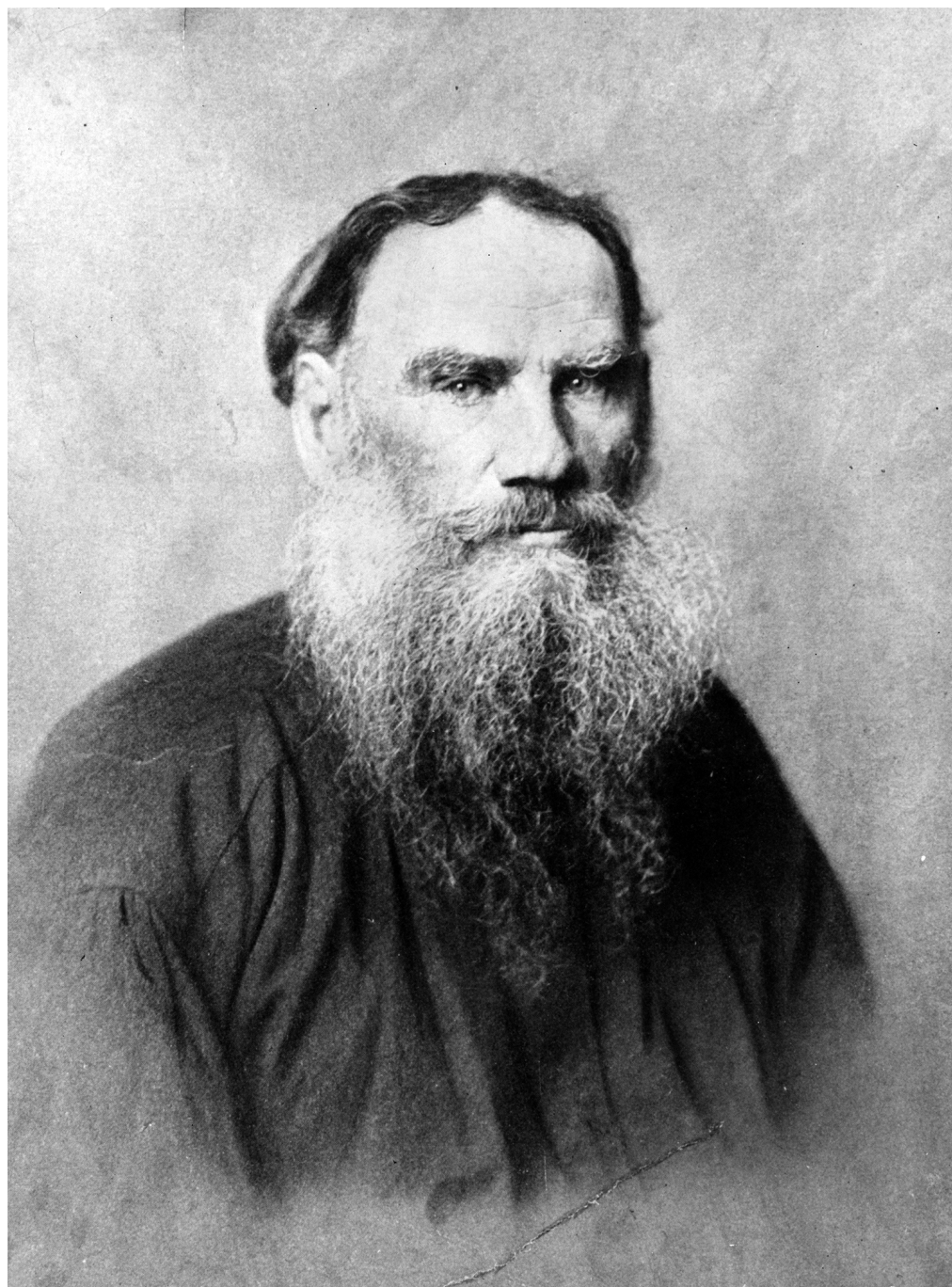

Лев Толстой

Крейцерова соната
Смерть Ивана Ильича
Хаджи-Мурат

ПОЛКА

альпина
ПРОЗА

Москва, 2024

Иллюстрация на фронтисписе:
Лев Толстой. Около 1890 года.
Государственный музей Л. Н. Толстого

*Текст печатается по изданию: Толстой Л. Н. Собрание сочинений
в 22 томах. Т. 12, 14. — М.: Художественная литература, 1982, 1983.*

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Т53

Толстой Л.

Т53 Крейцеровна соната. Смерть Ивана Ильича. Хаджи-Мурат / Лев Толстой. — М.: Альпина Паблишер, 2024. — 345 с. : ил. — (Серия «Главные книги русской литературы»).

ISBN 978-5-9614-9249-1

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-9614-8300-0 (серия)
ISBN 978-5-9614-9249-1

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alpina.ru.

© Сапрыкин Ю., 2022
© Кириенков И., 2022
© Трофимова Т., 2024
© ООО «Альпина Паблишер», 2024

Крейцерова соната

Предисловие «Полки»

*Самое скандальное произведение Толстого.
На страницах повести о муже, убившем жену
из ревности, писатель излагает свои поздние
взгляды на взаимоотношения полов.*

Татьяна Трофимова

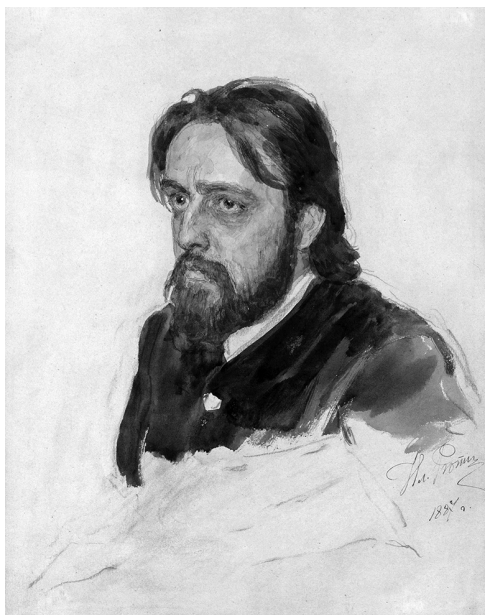

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

О том, как муж из ревности убил жену и обвинил во всем порочный институт брака. Главный герой Позднышев рассказывает случайному попутчику в поезде свою драматическую историю: как он женился, изначально будучи влюбленным в свою невесту, но скоро обнаружил, что их союз не приносит ему никакой радости, а только мучения. На основании этого Позднышев делает вывод о порочности брака как института, устроенного таким образом, что люди сходятся лишь на основании увлечения со стороны мужчины и необходимости со стороны девушки, ничего не узнав друг о друге и руководствуясь совсем не теми соображениями. В итоге получается не семья, а, как не раз говорит герой, «свинство», в котором легко дойти и до преступления. Такое радикальное заявление Толстого о природе брака прозвучало для современников максимально остро, настроив против писателя всех — от церкви до собственной жены.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

«Крейцерова соната» — тот случай, когда и дату начала работы над повестью, и дату окончания можно установить только опосредованно. Вероятнее всего, Толстой закончил писать текст в начале декабря 1889 года — во всяком

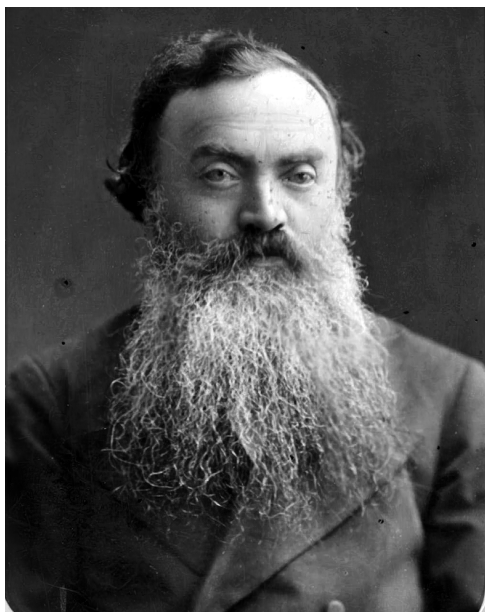
И. Е. Репин. Портрет В. Г. Черткова

случае 8 декабря в дневнике появилась последняя запись на этот счет, и в ней писатель сообщал, что «Крейцерова соната» ему «надоела». Вскоре после этого Толстой отправил рукопись своему близкому другу и издателю Владимиру Черткову, а тот вернул ее к концу месяца с комментариями, которые писатель, судя по его ответу 31 декабря, собирался учесть. Но, насколько известно, в январе он внес лишь пару мелких стилистических поправок, что едва ли можно считать продолжением работы. Первые же упоминания о замысле относятся к июню 1887 года, когда в гости к Толстому приезжал актер Василий Андреев-Бурлак и рассказал ему о произошедшем с ним эпизоде на железной

дороге — случайный попутчик поведал историю об измене жены. Так что, очевидно, работа над повестью происходила между этими двумя датами. Но велась неравномерно, поскольку за эти два с половиной года Толстой не раз бросал текст и параллельно занимался другими произведениями.

КАК ОНА НАПИСАНА?

В «Крейцеровой сонате» использована рамочная композиция, или прием рассказа в рассказе, характерный для позднего Толстого. К нему писатель прибегает, например, в повести «Хаджи-Мурат» или в рассказе «После бала». В данном случае наличие «рамки» помогает совместить эмоциональный рассказ от первого лица и проблемный контекст, в котором его надо воспринимать. Во «внешней» рамке рассказчик описывает, как во время одной из поездок по железной дороге между его попутчиками завязался интересный спор о семье и браке и среди них оказался человек, убивший свою жену. Во «внутреннем» же рассказе один из пассажиров, Позднышев, от первого лица откровенно повествует о том, каким образом он дошел до преступления из ревности. На самом деле Толстой легко мог бы отдать все пространство повествования главному герою, но, видимо, ему было важно, чтобы эта персональная история была воспринята в определенном

Н. Н. Страхов

социальном контексте на фоне мнений, высказанных другими пассажирами.

Сам Толстой в итоге остался не очень доволен тем, как устроена повесть. Но сомнения у него вызывал другой прием — совмещение сюжетного рассказа и длинных философских размышлений. «В художественном отношении я знаю, что это писание ниже всякой критики: оно произошло двумя приемами, и оба приема несогласные между собой, и от этого то безобразие, которое вы слышали», — писал Толстой в ответ на критику Николаю Страхову. Тот сообщал писателю, что его смущают форма рассказа в рассказе, где слишком много места отдано прямой речи героя и при этом неясно, кто же его

собеседник, и большое количество отвлеченных рассуждений Позднышева. Объем рассуждений, которые к тому же не вяжутся с состоянием главного героя в моменте, не понравился и другому близкому другу Толстого — Владимиру Черткову. На его взгляд, их следовало бы выделить отдельно и не смешивать с рассказом Позднышева о его семейной драме. В ответ Толстой записал в дневнике, а после сообщил Черткову в письме, что согласен и хотел бы последовать совету друга. Но в итоге ничего исправлять в повести не стал, решив, что важнее то впечатление, которое она производит, даже будучи несовершенной по форме.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

В самой повести есть упоминание сразу двух сект, в основе идеологии которых лежат взгляды, сходные с теми, что излагает Позднышев. Прежде всего это шекеры (шейкеры), и действительно в процессе работы над текстом Толстой интересуется жизнью этой американской общины, участники которой проповедовали целомудрие и безбрачие. «И как всегда бывает, когда чем занят хорошим, в этом направлении, поддерживая его, складываются внешние события», — сообщает Толстой Черткову весной 1889 года, добавляя, что вступил в переписку с некоторыми из шекеров и получил от них несколько полезных

книг. Также в третьем эпитафее из Евангелия от Матфея упоминаются скопцы. К моменту работы над повестью эта секта была известна в Российской империи уже много десятилетий. Власти боролись с ее идеями, которые предполагали оскотление в целях борьбы за спасение души, а приверженцы скопчества наказывались и ссылались в Сибирь. Но если про шекеров известно, что Толстой интересовался их учением непосредственно во время написания «Крейцеровой сонаты», то про скопцов такой уверенности нет. В дальнейшем писатель даже будет состоять в переписке с одним из представителей секты, но это будет происходить уже спустя несколько лет после публикации повести.

В дневнике Толстой также писал о том, что большое влияние на характер повести оказало письмо, полученное им еще в феврале 1886 года: «Основная мысль, скорее сказать чувство, “Крейцеровой сонаты” принадлежит одной женщине, славянке, писавшей мне комическое по языку письмо, но замечательное по содержанию об угнетении женщин половыми требованиями». В этом письме, автор которого подписался как «славянка», содержались жалобы на положение юных невинных девушек, которые выходят замуж и в браке попадают во власть уже немолдых мужчин с их привычками к аморальному образу жизни, в результате чего теряют и нравственность, и здоровье. Поскольку повесть в этот момент

еще даже не была задумана, вполне может быть, что это письмо наряду с рассказом Андреева-Бурлака стало импульсом для Толстого.

Свою роль могли сыграть и семейные обстоятельства: в феврале 1888 года женится второй сын Толстого. Поскольку Илье Львовичу на тот момент было лишь немногим за двадцать, как и его невесте, и он не имел никакого источника дохода, Толстой просит сына подумать над теми основаниями, на которых будет построен его брак. А впоследствии писатель будет высказывать недовольство тем, как молодые ведут хозяйство, как устроен их быт и что рождение первенца их традиционно разделило: невестка погрузилась в заботы о ребенке, предоставив Илье Львовичу заниматься своими делами. Это, по мнению Толстого, тревожный предвестник проблем в браке.

Наконец, с текстом Толстого связывают еще две книги, популярные в те годы, — «Об уходе за малыми детьми» педиатра Егора Покровского и «Токология, или Наука о деторождении» американского врача-гинеколога Алисы Стокхэм. Писатель был знаком с обоими авторами: первому он посоветовал в 1889 году опубликовать его работу, а второй предложил сделать перевод книги на русский язык и лично написать к нему предисловие — настолько писателю показалась важной затронутая тема. В книгах обоих врачей немало места уделено

тому, какими должны быть отношения родителей в браке, чтобы в семье родились и выросли здоровые дети. Но если труд Покровского теоретически мог оказать влияние на Толстого, так как пришелся на период его работы над текстом, то книга Стокхэм даже на английском появилась уже после выхода повести.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Первая официальная публикация повести состоялась в июне 1891 года в составе тринадцатого тома собрания сочинений Толстого, изданием которого занималась жена писателя. Софья Андреевна Толстая настаивала на том, чтобы «Крейцера соната» не выходила отдельно, так как это отвлекло бы внимание читающей публики от очередного тома собрания сочинений. Хотя предложения о публикации Толстой начал получать еще с мая 1889 года, когда повесть не была даже готова. Учитывая пожелания Софьи Андреевны, Толстой сразу же отказался от идеи отдать «Крейцерову сонату» в издательство «Посредник» Черткова. А вскоре и другие заинтересованные издатели — Александр Эртель и Павел Гайдебуров — сообщили писателю, что получили от цензурного ведомства сигнал о том, что разрешения на публикацию в сборнике или газете им не дадут. В итоге, чтобы напечатать повесть в собрании сочинений,

Софье Андреевне пришлось попросить аудиенцию у императора Александра III лично и там 13 апреля 1891 года получить его согласие.

Однако к тому моменту вся читающая публика повесть уже прочла. «Утечка» текста произошла после первых чтений «Крейцеровой сонаты» 28 и 29 октября 1889 года сначала в доме Кузьминских, родственников Толстого, а потом в редакции «Посредника». Тогда, чтобы поскорее вернуть рукопись еще не оконченной повести, несколько человек взялись переписать ее, а спустя несколько дней уже было готово три сотни литографических копий. Некоторые из них легли в основу публикации повести отдельной книжкой в 1890 году в берлинском издательстве «Библиографическое бюро». В нем же вышло и второе издание — уже с послесловием Толстого, написанном по просьбе Черткова. С этого второго издания в Москве были сделаны новые нелегальные копии. Так что едва ли будет преувеличением сказать, что к моменту официального выхода «Крейцеровой сонаты» практически все желающие уже успели прочитать повесть, хотя и не в окончательном виде.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Бурно. Причем острая реакция проявилась еще до публикации повести. Константин Победоносцев, занимавший в те годы пост обер-прокурора Синода,

по прочтении «Крейцеровой сонаты» даже не знал, что делать. Все это мерзко, цинично и, конечно, искажено Толстым, писал он, но многое из высказанного — все-таки правда. А значит, запретить повесть во имя нравственности будет проявлением лицемерия. Ключевым моментом в восприятии «Крейцеровой сонаты» стало то, что реакцию вызвало не столько художественное произведение, сколько высказанные в нем идеи. Это вполне объяснимо тем, что Толстой в тот период уже далеко вышел за рамки писательства и от него ждали высказываний как от идеолога. Но в данном случае идеологический посыл Толстого не понравился никому.

В первых рядах, даже не дожидаясь официальной публикации повести, выступили представители церкви, в частности архиепископ Херсонский и Одесский Никанор, а также священники Федор Преображенский и Александр Разумовский. С одной стороны, столь быстрая реакция церкви понятна, ведь брак находится в ее ведении, а Толстой посягает на таинство, с другой — необычным было то, что церковь инициировала разговор о физической стороне брака, которого прежде избегала. Впрочем, все ее представители высказались в одном ключе: Толстой зря взял на себя роль проповедника, а в Евангелии уже все сказано на тему отношений мужа и жены. Далее в дело вступили богословы, писатели, журналисты, религиозные философы — и волна обсуждения

церковного брака, пущенная Толстым, растянулась на несколько десятилетий.

Одновременно высказывала свое негодование и журнальная критика, и в ее фокусе, помимо обсуждения природы брака, оказалась та позиция, которую занял Толстой. Будучи писателем, он зашел на поле публицистики, а это значит, что «Крейцера соната» не могла рассматриваться как художественное произведение. Позднышев в этом случае уже не полноценный персонаж, а лишь марионетка в руках автора, который транслирует через него собственные идеи.

Наконец, засыпали Толстого письмами и обычные читатели: кто-то спешил поделиться своей историей, кто-то просил совета — девушки сомневались, стоит ли выходить замуж, молодые люди хотели понять, нужно ли отказываться от женитьбы после обнаружения небезупречных эпизодов в прошлом невесты. Получал Толстой и письма негодования, в которых его упрекали, что он лишил юношей и девушек свойственных их возрасту мечтаний о счастье, что он просто не любил по-настоящему и сам же своими действиями разрушает брак.

Негодовали абсолютно все, и даже Антон Чехов, поначалу оценивший повесть, после прочтения «Послесловия» изменил свое мнение. Если путаницу в заболеваниях он еще был готов простить, то отношение Толстого к врачам его откровенно возмутило: «Черт выбрал философию великих мира сего! Все великие мудрецы деспотичны, как

генералы, и невежливы и неделикатны, как генералы, потому что уверены в безнаказанности».

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

Помимо десятилетий обсуждения проблем брака и с церковной, и с философской точек зрения, вслед за «Крейцеровой сонатой» появился поток художественных текстов, авторы которых решили с Толстым поспорить. В частности, самым значительным высказыванием называют рассказ «По поводу “Крейцеровой сонаты”» Николая Лескова. В нем к писателю приходит незнакомая дама и просит у него совета относительно своей семейной ситуации: она много лет изменяет мужу и теперь хочет наконец разорвать порочный круг лжи и во всем признаться. Писатель же отговаривает даму от опрометчивого шага, так как он принесет всем — и ей самой, и ее мужу, и ее детям — лишь несчастье. Вероятно, дама следует его совету, и спустя несколько лет писатель встречает ее семейство в полном составе на отдыхе, где разыгрывается совсем другая драма. По сути, Лесков выбирает сторону общественной морали и сохранения внешней пристойности — позиция, которая доминировала в обществе многие годы, пока Толстой не поставил вопрос радикально и остро.

Полемические ответы на повесть Толстого возникли и внутри его семьи.